

Как, в общем-то, и велел ему Ремус, Сириус старался быть полезным, хотя оказалось, что он не только ужасно чистит картошку.

Королевское воспитание совершенно не подготовило его к реальной жизни, и Сириус проваливал одно задание за другим. Он запутался в веревке, пытаясь закрепить один из парусов, случайно уронил пушечное ядро на ногу одному из близнецов и чуть не взорвал весь корабль из-за своей неосторожности с порохом.

Но, к удивлению Сириуса, этого оказалось недостаточно, чтобы выбросить его за борт, потому что, хотя он и представлял собой скорее кучу неприятностей, чем помощь кому-либо, команда отнеслась к этому с юмором.

Смеялись они вместе с ним или над ним, это не имело значения, потому что никто из них не кричал на Сириуса, не злился и даже не поднимал на него руку.

Мэри терпеливо освободила его от веревки, которой он чуть не задушил себя, Фабиан и Гидеон шутили о том, что с ними случилось гораздо хуже, чем сломанный палец на ноге, и даже Фрэнк осторожно забрал у него бочку с порохом, а затем вежливо попросил его держаться подальше от взрывчатых веществ.

Казалось, все они были полны решимости помочь ему стать хорошим моряком и ценным членом команды, а Сириус не мог с этим справиться, потому что привык к суровым наказаниям даже за малейшие недостатки.

Его наставники часто твердили ему, что если он не будет стараться больше, то никогда не станет достойным регентом, но что бы Сириус ни делал, ничего никогда не было достаточно хорошо.

Он терпел побои палками, ремнями и руками, охотно терпя любое унижение, которому его подвергала мать, чтобы уберечь себя или Регулуса от худшего.

И каждый раз, когда ему казалось, что Джеймс наконец поймет, что его включение в команду было ошибкой, он получал в ответ дружелюбную улыбку или сердечное похлопывание по спине, и жизнь продолжалась.

Постепенно, и впервые за всю свою жизнь Сириус вдруг почувствовал, что попал туда, где ему не нужно быть идеальным, где нет никаких ожиданий, которых он все равно никогда не сможет достичь. В место, где его действительно ждут. Это звучало почти нелепо, но он не мог отделаться от мысли, что этот корабль уже казался ему домом больше, чем когда-либо был лондонский дворец.

«Знаешь, может, тебе просто нужно правильно настроиться», — предположил Фабиан, помогая Фрэнку и Гидеону починить кое-что в трюме, и Сириус нахмурился.

«Правильно настроиться?» — повторил он, смущенный, и Гидеон щелкнул пальцами, словно ему только что пришла в голову блестящая идея.

«Именно! Сейчас ты ведешь себя скорее как принц, который хочет быть пиратом, но этого недостаточно», — сказал он, и Сириус слегка наклонил голову.

«Я понятия не имею, что ты имеешь в виду».

«Ну, ты должен выглядеть соответствующе», — сказала Мэри, глядя вниз через люк сверху,

подперев подбородок обеими руками, и теперь она ухмыльнулась и пошевелила бровями.

И менее чем через пять минут Сириус оказался в личной каюте Джеймса, где Мэри стояла перед шкафом, роясь в рубашках, брюках, пальто и многом другом.

«Ты не против отдать одежду Джеймса?» — неуверенно спросил Сириус, с любопытством оглядываясь. В углу стояла кровать со смятыми простынями, а на столе — груда карт, книг, свитков, и где-то между ними — маленькая чернильница. Это был хаос, которого его отец никогда бы не допустил в своем кабинете, но Сириусу этот беспорядок нравился в сто раз больше, чем почти маниакальная чистота, которая всегда была добродетелью для Ориона.

«Конечно, то, что Джеймс — капитан, не означает, что он наш король», — ответила Мэри приглушенным голосом, так как ее голова была полностью погружена в шкаф.

К внутренней стороне одной из открытых дверей шкафа был прикреплен небольшой портрет — простой карандашный рисунок на листе бумаги размером с ладонь Сириуса.

Сириус увидел мужчину и женщину, улыбающихся и обнимающих друг друга, и предположил, что это родители Джеймса.

«Ага! Похоже, это то, что нужно!» — триумфально воскликнула Мэри, вылезая из глубины шкафа с охапкой одежды.

«Ну же, раздевайся», — приказала она, в ее глазах мелькнул радостный, почти возбужденный огонек, и Сириус снял жилет, рубашку, туфли и чулки.

«И брюки тоже. Зеленый тебе совсем не идет, да и с остальными вещами не сочетается», — сказала Мэри, подняв бровь, и Сириус сжал губы.

«Может, ты отвернешься?» — спросил он, и Мэри фыркнула с насмешкой и пробормотала что-то вроде «более ханжеский, чем я думала», но положила кучу одежды к ногам Сириуса и вышла из каюты.

Сириус опустился на колени и первым делом достал бежевую льняную рубашку с широкими, развевающимися рукавами и глубоким вырезом спереди, которую ему пришлось завязать, чтобы не обнажить голую грудь.

Кроме того, Мэри выбрала черные брюки чуть ниже щиколотки и темно-красный длинный жилет. Ткань показалась ему более колючей, чем обычно, но, тем не менее, Сириус автоматически почувствовал себя комфортнее, быстро взглянув в зеркало, расположенное по диагонали от кровати.

И едва он застегнул последнюю пуговицу, как Мэри снова ворвалась, тихонько крича и хлопая в ладоши.